

НАТАЛИЯ ЛИРОН

СУДЬБА
ИГРАЕТ
В КУКЛЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л62

Редактор серии *А. Цыганкова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Лирон, Наталия.

Л62 Судьба играет в куклы : роман / Наталия Лирон. —
Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-236082-4

1941 год, Полесье, оккупация...

Юная Анна убивает немецкого солдата, защищая семью, и прячет в деревенской избе раненого поляка Анджея. В тени смертей и предательств возникает чувство, которому не суждено было принести им счастье: война отрывает их друг от друга, кажется, навсегда. Анна уходит на фронт, выходит замуж, растит дочь и учится жить с болью, которую невозможно забыть.

1981 год, Минск...

Внучка Анны, Ксюша, случайно находит в бабушкиной шкатулке письмо из Польши. Этот клочок бумаги открывает дверь в прошлое, которое Анна скрывала всю жизнь. Но принесет ли неизбежная встреча в Варшаве исцеление или разрушит все, во что она верила?

Автор бестселлера «Помоги мне умереть» Наталия Лирон возвращается с новым романом — проникновенной историей о войне, которую мы носим в себе, о любви, не ставшей спасением, и о праве назвать прошлое своим именем — и, возможно, впервые освободиться от него.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236082-4

© Лирон Н., текст, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

ЧАСТЬ 1

Глава 1

2018 Анна

Негромкий, но такой назойливый звук — пик... и снова пик...

Никогда еще время не казалось таким весомым... и таким безвозвратно ускользающим.

Смотрю на часы на стене — они придут совсем скоро.

Старший еще по-русски понимает, хоть и говорит плохо, а младший уже нет — славные получились мальчишки, надеюсь, они меня хоть немного запомнят. Наверное, я для них выживший антиквариат. Что ж, это недалеко от истины. Правда, ненадолго.

Пик... пик... аппаратура лупит оглушительным стаккато, отмеряя мои оставшиеся часы и минуты, но никто этого не слышит — только я. Умирающие слышат острее.

Скорей бы. Я знаю, он ждет меня там.

Они оба меня ждут.

Осталось попрощаться с потомками. И с моей девочкой. Какое будущее уготовано им?

Девяносто четыре — хорошее время для смерти.

Я усмехаюсь — надо было пережить войну, перестройку, мобильники и компьютеры, чтобы умереть от банальной пневмонии. У Судьбы отличное чувство юмора.

1981 Анна

— Бабуль, ты представляешь? — Ксюшка тараторила без умолку. — Это ужасно интересно! Я все-таки буду поступать в медицинский!

Высокая, темноволосая, как и ее мать, она стояла в проеме кухонной двери и трясла какими-то тетрадками и листочками.

Я улыбнулась:

— Ты ж мой дорогой доктор, ну погоди, что там у тебя?

Десятый класс — год принятия решений, когда всем учителям и родителям кажется, что в семнадцать ребенок обязан знать свое жизненное предназначение. Внучка металась между медициной и химией.

— Это генетическая совместимость по группе крови и резус-фактору. Вот у тебя какая группа? — она склонила голову.

— Вторая, — выпалила я не задумываясь, — отрицательная.

— Вот смотри, — Ксюшка подошла к столу и села напротив, — если у тебя вторая отрицательная, а у деда первая положительная, я у него уже спросила, то... — она что-то быстро чиркала в тетради.

«Идиотка! — я закусила губу. — Ну что за старая дура! И ее черт бы побрал вместе с этой медициной!»

— Гм... — она подняла глаза, — погоди, ба, че-т не сходится. У мамы четвертая минус, у отца третья минус, то у меня может быть четвертая отрицательная, кстати, самая редкая. Но как, если... у тебя вторая, а у деда первая, то...

— Да, брось, — я поспешно встала, — ты просто запуталась.

— Нет же, смотри, — она тоже встала и подошла ко мне ближе, показывая записи, — если у тебя...

— Ксень, — я остановила ее рукой, — давай не сегодня, я устала, да и сердце покалывает, накапай-ка мне лучше корвалол.

— Хорошо.

Холод пробежался по спине и засел ледяной россыпью между лопаток. Я видела, как она сникла, открыла створки буфета, достала пузырек с лекарством и принялась отмерять сорок капель в мензурку.

— Пойду на диван, — я кивнула на дверь, направляясь в комнату.

— Сейчас принесу, — отозвалась внучка, озабоченно глядя мне вслед, — может, завтра на работу не пойдешь?

— Надо идти, — я не обернулась.

— Чайник поставить? — Ксюшка говорила из кухни.

— Угу.

Мы хорошо жили, ссорились редко, да и то по всякой ерунде. Ее отец с матерью еще осенью перебрались в Москву. Алексей — на новую перспективную работу, строить советский космос, а Люська с ним. Ксюшку решено было оставить со мной, чтобы окончила школу, а дальше — видно будет. Сама она из Минска уезжать не особо хотела, тут друзья-подруги и недавняя первая любовь, так что к родителям она не рвалась. Да и мне с ней было веселее.

Я села на диван и прикрыла глаза...

1941 Анна

Ярко, так ярко! Белым-бело. Снег искристый, холодно.

Хруст снега под добротными немецкими ботинками. Скрип... скрип... «Яволь, яволь»... скрип-скрип.

Один фриц мелькает почти перед щелью, я дергаюсь назад — стой тихо! Стой!

Он обернулся, глянул мимо — круглый, коренастый, с автоматом на шее, глубоко посаженные глазки-бусины смотрят цепко, внимательно. Показывает на дом и что-то говорит другому — слов не разобрать.

Вот и второй — длинный как жердь, кивает первому, и тоже поворачивается к сараю с хлевом. Глаза темные шарят-шарят... И находят меня.

1982 Ксюша

На улице завывала вьюга, зима выдалась на удивление снежной и морозной. Ни на какие дополнительные тащиться не хотелось, но анатомия — это обязательно. Порой я уже жалела, что поступила в мед. Преподы к нам, новым и зеле-

ным, были абсолютно безжалостны. Ну, или мне так казалось. Первая сессия подходила к концу, и я молилась, чтобы сдать ее хотя бы без «хвостов». Я мечтала о загадочной вирусологии, а зубрила название костей на латыни. Но это только первый курс, дальше будет веселее.

Интересно, откуда все-таки у нас с матушкой взялась четвертая отрицательная, притом что у бабушки вторая положительная, а у деда первая положительная? Хм... И мы с мамой обе темноволосые, хотя бабушка русая, а дед вообще блондин?

Я размышляла об этом не в первый раз с того времени, как в прошлом году рассказала бабушке про основы генетики.

Глядя в окно, я снова задумалась о том, что мама не очень-то похожа ни на бабушку, ни на деда — белобрысого бульбяша с носом картошкой, кстати, нужно будет к нему зайти. Как раз сегодня после дополнительных занятий по анатомии.

Господи, когда наконец эта холодрыга уже закончится! Такой дубак! Зима перевалила за половину, но мороз и не собирался слабеть. Скорый приход весны угадывался только по тому, что дни стали немного длиннее. Столбик термометра и не думал подниматься к плюсовой шкале, застряв на минус десяти.

Кто-то умудрился спроектировать наш дом так, что батареи оказались вмурованы в стену, а соответственно наполовину обогревали улицу и квартире тепла доставалось мало, поэтому мы с бабушкой все время мерзли.

Я всунула ноги в тапки, подшитые войлоком, накинула на плечи выдавший виды пуховый платок и пошла ставить чайник. Нужно было сделать перерыв — от обилия латыни мозги завязывались узлами.

Я снова подумала о бабушке — утром, когда мы разъезжались в разные концы города — в институт и на работу, она казалась растревоженной. Еще день назад пришло извещение — в почтовом отделении ее дожидалось заказное письмо. Вчера она не успела, а сегодня после работы

должна была его забрать. Я была заинтригована — заказное письмо, наверное, что-то очень важное. Интересно, от кого?

— Дедуль, привет, — мы звонко расцеловались, — как ты?

— Проходи-проходи, — он радостно улыбался, — голодная?

— Не-а, — соврала я.

— Ладно, небось с утра ничего не ела, — давай-ка...

Они с бабушкой оба были такие, сразу усаживали гостя за стол, невзирая на протесты.

— Олеся сегодня допоздна... — начал дед.

— О, Ксюшка, — из комнаты показалась светлая голова Дениса, — привет, — он окинул меня взглядом.

— Привет-привет, ну-ка иди сюда, длинный мальчик, — шутливо сказала я, — хочу посмотреть, ты уже два метра или еще нет.

— А, — он махнул рукой, — когда вы с отцом вдоволь наболтаетесь, можешь заскочить, помочь мне с химией?

— Запросто, — я кивнула.

Голова исчезла, и мы пошли с дедом на кухню. Мне до сих пор было странно слышать, как Денька называет моего деда отцом. Оказалось очень комично, что внучка чуть старше сына. С дедом не шутил по этому поводу только ленивый, включая и его сына и меня. А он благодушно со всеми соглашался и не обижался. Денису было шестнадцать, дедовой второй жене Олеся — сорок семь, а ему самому в этом году исполнялось шестьдесят.

— Как бабушка? — начал он с дежурного вопроса, доставая из холодильника еду.

— Хорошо, — так же дежурно откликнулась я, — какое-то ей письмо заказное пришло.

— Да? — удивился он. — Откуда?

— Не знаю, — я смотрела, как дед выкладывает на сковородку draniki, чтобы погреть, и слотнула.

— Ну да, не голодная она, — усмехнулся он, поймав мой жадный взгляд.

Я оглядела его, стоящего у плиты, — «дед, дед»... это я привыкла, что он дед, а на самом деле это был молодежавый веселый мужик. Из-за очень светлых волос седины было почти не видно, глаза ярко-голубые, забавный нос картошкой, не красавец, конечно, но харизматичный и обаятельный. И почему они с бабушкой расстались? Такая пара была!

— Дед, а можно я у тебя спрошу? — я встала и достала нам тарелки из верхнего ящика.

— Конечно, спроси, — он приподнял крышку сковородки, — и сметаны.

Я открыла холодильник:

— А вы с бабушкой почему э-э-э... расстались?

— Хм... — он стоял задумавшись, отвернувшись к окну.

Светлые шторы, расписанные в веселые чайники, уныло обвисали широкую раму, на подоконнике цвели фиалки в глиняных горшках, а под потолком вился крохотный паучок.

Он смотрел сквозь тюлевые занавески в сгустившийся зимний вечер:

— Думаю, что она хотела, чтобы я был счастлив.

Такого ответа я совершенно не ожидала:

— Это как?

Он все смотрел в окно.

— Деда, драники сгорят! — я указала на сковородку.

— Точно! — он спохватился, выключил газ и открыл крышку. — Да, малость подпеклись, ну ладно, сойдет, давай тарелки.

— Эх, Ксюшка, Ксюшка, внучка ты моя дорогая, что тебе сказать, бабушка твоя — хороший человек, но не любила меня никогда, вот и хотела, чтобы я нашел свою судьбу.

Я откинулась на спинку стула:

— Как так? Погоди, быть не может.

Я вспомнила, как и она, и мама носились в больницу, когда он спину сломал, и потом бабушка выхаживала его, с ложечки кормила в буквальном смысле слова, по каким-то

там массажистам специальным возила. Разве это возможно без любви?

— Знаю-знаю, — он кивнул, — знаю, о чем ты подумала. Только все не так просто. Прости, ребенок, но какие-то вещи я тебе сказать не могу, не моя тайна.

— Тайна? — я повела плечами, показалось, что потянуло холодом из окна.

— Ну, не то чтобы тайна, в общем... — он слегка сконфузился, — главное, что ты должна знать — бабушка твоя замечательный человек.

— Я это знаю, — странный получался разговор, — дед, а ты ее любил?

— Да, — без раздумий ответил он, — очень.

Помолчали, доедая слегка подгоревшие draniki.

Странная тяжесть повисла под потолком.

Он достал баранки и печенья.

— Похрустим? — и зажег огонь под чайником.

— Похрустим, — я кивнула и посмотрела на него внимательно, — а сейчас ты счастлив?

Он хохотнул:

— Почти! Вот если бы заполучить хоть одну шоколадную конфету, то был бы счастлив абсолютно!

Он порывисто вздохнул — была в этом вздохе какая-то прореха. Будто угольное ушко — лаз в давнюю боль.

И я вдруг подумала, что мой замечательный дед Василий, несмотря на молодую симпатичную жену и сына-подростка, очень одинокий человек.

— Ты знаешь... — мне хотелось сказать ему что-то хорошее, обнять, но поворот ключа в дверном замке меня оставил.

— Вот и Олеся, — дед поднялся и вышел встречать жену.

Я погрустнела — разговор по душам не то чтобы не получился, но хотелось продолжить, и уж конечно без Олеси.

Она в общем, была неплохая тетка, всегда вежливая и вроде бы даже доброжелательная, но чувствовалось, что это немного через силу, мне всегда казалось, что она продолжает ревновать своего мужа к бабушке, хотя разошлись они давным-давно.

— Привет, — она чмокнула его в щеку и заметила меня, стоящую в дверях кухни, — здравствуй, Ксения, как дела? Как сессия?

— Здравствуйте, — я улыбнулась ей, — пока сдаю без троек, осталась анатомия.

— Ничего-ничего, справишься, — Олеся раздевалась в прихожей, — первый курс всегда самый сложный. Вы ужинали?

Она работала стоматологом и знала не понаслышке, что такое учиться в меде.

— Да, спасибо, дед покормил, — я вдруг подумала о том, что дома, наверное, бабушка уже с работы пришла, — я, пожалуй, пойду.

— Ну что ты, — заговорил дед, — мы ж собирались чайку попить.

Мне показалось, что ему неловко, хотя было непонятно почему. Странно, эта неловкость будто бы присутствовала всегда, если с нами оказывалась его жена.

Я быстро обвела их взглядом — странная, конечно, парочка. Мягкие каштановые кудри до плеч, высокая, большая, похожая на гренадершу Олеся была выше деда. Не намного, он тоже был не маленький, но все-таки выше. Хоть она и была моложе его на тринадцать лет, выглядели они практически ровесниками. Медленная, плавная Олеся и веселый живчик — дед Василий. Причудливый контраст.

Познакомились они банально — он пришел к ней лечить зубы. И женился через полгода.

«Пора домой», — скомандовал внутренний голос.

— Экзамен через день, надо бы над учебниками еще посидеть, — я думала о том, что ни над какими учебниками я сегодня сидеть точно не хочу.

— Тогда ладно, — дед развел руками.

Я быстро оделась и наскоро со всеми распрощавшись, вышла в морозный январь. И уже подходя к остановке, вспомнила, что обещала Денису с химией помочь. Странно, что он не вышел мать встречать, вот я и забыла. Но все равно как-то неудобно получилось. Возвращаться я не стала.

— Бабуль, ты дома? — открыв дверь, я сразу бросила взгляд на тумбочку — если сумочка стоит, то значит бабушка дома.

— Ага, — отозвалась она из кухни, — мой руки и за стол.

— Я у деда ела, — прокричала я.

— Ты к нему заходила? — бабушка показалась в коридоре с полотенцем в руках.

— Угу.

— И как он? Как здоровье, спина? — в ее глазах был живой интерес.

— Вроде все хорошо, на спину не жаловался, кормил меня подгоревшими драниками.

Я смотрела и думала — всегда, когда я заговариваю с каждым из них, оба в первую очередь спрашивают об одном — как здоровье и как дела у другого.

И кто кого, спрашивается, не любит? И зачем, скажите на милость, у деда эта высокая Олеся? А бабушка уже семнадцать лет одна. Как я родилась, так вскорости они и развелись. Насколько я помню, у нее так никого и не было. Хотя, может, я просто чего-то не знаю.

— А и ладно тогда, — она махнула рукой, пошла на кухню и спросила, обернувшись: — Чай будешь?

— Ага, — я уже мыла руки в ванной.

— Да, и опять Артем заходил.

Я слышала, как зажегся газ и громыхнул о чугунную решетку плиты тяжелый чайник, и зашла на кухню:

— И чего ему опять надо было?

Забавно, но наша кухня была едва ли не точной копией дедовой, может, потому что у нас планировки квартир были зеркальные? И сами квартиры находились в паре остановок на троллейбусе друг от друга. Летом я часто пешком ходила. У нас стоял такой же небольшой стол, придвинутый вплотную к подоконнику, деревянные стулья, на дедовой кухне шкафчики были модного салатного цвета, а у нас простые, белые. У них были подвесные шкафчики, а у нас старинный бабушкин белый буфет.

Бабуля посмотрела на меня укоризненно.

— Нормальный парень, что ты так? — это она про заходившего Артема.

Возведя глаза к потолку, я вздохнула:

— Я же ему русским языком сказала, что между нами все кончено. Что еще нужно-то?

— Вот, тебе принес, — она указала на вазу, в которой красовалась одна кремовая роза, — зимой, между прочим, это не дешево!

— Опять! — я злилась.

Мой бывший одноклассник, с которым у нас был смешной школьный и, слава богу, короткий роман, донимал меня невероятно.

— А ты не руби с плеча, — наставительно сказала бабушка, — заботливый, хороший, не дурак, еще и симпатичный, что тебе не нравится?

— А тебе что не нравилось? — в тон спросила я. — Дед ведь тоже был хороший, заботливый, тоже симпатичный и не дурак. — И замолчала, поняв, что переборщила.

Бабушка сидела, уставившись на цветок, будь он неладен.

— Ба... — мне стало неловко за свою вспышку, — ...извини, я ерунду сморозила.

— Это точно, — видно было, что она сердится.

— Извини, — я жалела, что нагрубилась, — это просто нервы, знаешь, сессия, анатомия дурацкая. Я уже так устала, а еще только первый курс.

Она смягчилась:

— Ладно, давай пей чай и ложись отдыхать, дальше будет легче — втянешься. Когда у тебя экзамен? Послезавтра?

— Угу.

Она поставила на стол чашки, открыла дверцу буфета:

— Похрустим? — и достала пакет с баранками.

Я прыснула смехом.

— Что такое? — не поняла бабушка.

— Нет, правда, умора просто, — я продолжала смеяться, — вы с дедом говорите одними и теми же словами, прям точь-в-точь.

Она молча достала к баранкам печенье, сливовое варенье, наши любимые леденцы монпансье и кивнула на чайник:

— Наливай. И молоко достань, пожалуйста.

Бабушка любила подбеливать чай, а я пила с лимоном, если был.

Перестав смеяться, я разлила по чашкам ароматный напиток.

— Слушай, ба, а ты письмо-то забрала? — я вспомнила про почту. — Ну, заказное, тебе же квитанция приходила.

— А, — она отвела глаза и махнула рукой, — перепутали все на почте, оказалось, это не мне, а кому-то другому, с индексами намудрили, так что нет никакого письма.

— Да? — я удивилась. — Странно...

Я точно помнила, что квитанция была выписана на Смоллич А. Ф., и адрес наш.

— Мало ли, — она открыла жестяную банку с конфетками и протянула мне, — у них там людей не хватает, а работы много. На, бери.

Я машинально сунула леденцы за щеку — вкусно!

За столом наступила уютная тишина — мы обе смотрели в окно, за которым плясала зима, и каждая думала о своем.

— Ба, — наконец решилась я, — можно у тебя спросить?

— Спросить-то всегда можно, — улыбнулась она.

Чайник снова гроыхнул о плиту — нужно было подбавить горяченького:

— А почему вы все-таки с дед Васей разошлись? Он ведь и правда хороший.

— Очень хороший, — вздохнула она, протягивая чашку, — и мне подлей. Потому и разошлись. Я хотела, чтобы он был счастлив.

— А с тобой разве не был?

Бабушка задумалась, подперев кулаком подбородок. В ее молчании я слышала, как в соседней комнате громко тикал будильник, и ветер, подвывая, причесывал верхушки деревьев за окном.